

18+

Арина Барда

Валя-Виталя

Арина Барда
Валя-Виталя

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Барда А.

Валя-Вिताля / А. Барда — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Она создавала уют и пекла пирожки, он мастерил мебель и возил ее на дачу. Они любили друг друга и своего сына, заботились о домашнем очаге. Но однажды что-то пошло не так. Очаг превратился в кучку пепла.

Валя-Виталья

Попутчики в поезде, казалось бы, какая мелочь. От Москвы до Севастополя чуть больше суток пути – в восьмидесятые годы прошлого века, когда началась эта история, ходил прямой поезд. Так не все ли равно, с кем ехать, лишь бы не попались пьяницы. Однако, волоча по узкому коридору третьего купейного вагона разбухшую сумку на колесиках, я волновалась. Все-таки, дальнейшее путешествие – это целый этап жизни, пусть короткий, но яркий и запоминающийся. А четыре квадратных метра купе – слишком маленькое пространство для того, чтобы соседствовать с кем попало. Так кто же они – наши будущие соседи?

Передо мной с готовым лопнуть потертым темно-коричневым чемоданом семенила мама, внимательно глядясь в таблички с нумерацией мест, перед мамой ковылял пожилой дядька с пухлой сумкой-тележкой. Перед дядькой шли еще люди, отягощенные дорожным скарбом. По мере продвижения то один, то другой путешественник покидал процессию и нырял в свою конурку согласно купленному билету.

Вдруг движение остановилось из-за возникшего у одной из дверей затора. Некое существо неопределенного пола, пыхтя и вполголоса матерясь, безуспешно пыталось просунуть в узкий проем толстенный баул – всю Москву, наверное, скупил, прозвучала язвительная реплика из массовки. Ага, раз «скупил», значит это мужчина, подумала я и в ту же секунду ощутила, как сзади мне в ноги нетерпеливо уперся жестким боком чемодан. Его хозяйка – пузатая краснолицая тетка, злобно пыхтела. Заметив, что я оглянулась, она сузила глаза и ткнула в меня чемоданом еще раз.

Я отвернулась от тетки – ничего не поделаешь, ведь я еще ребенок и не могу делать замечания взрослым, тем более такого свирепого вида.

– Мужчина, давайте быстрее там, людям мешаете пройти! – гаркнула тетка поверх моей головы.

«Только бы она не оказалась нашей соседкой!» – мысленно помолилась я железнодорожным богам.

Теткин окрик помог – тормозившее всех существо поднатужилось и затолкало баул в норку, юркнув следом. Когда движение возобновилось и мы, наконец, добрались до нашего купе, которое оказалось в самом конце вагона, я по-жирафьи вытянула шею, из-за спины мамы пытаюсь заглянуть внутрь. И натолкнулась на такие же любопытные и напряженные взгляды. Ура! Лучше не придумаешь! На нижней полке справа сидели, уставившись на дверь в тревожном ожидании, женщина с мальчиком-подростком.

Облегчение и радость, испытанные в унисон четверьмя людьми, были первым мощным аккордом, положившим начало длинной симфонии многолетней дружбы.

Женщину звали Валя, ее сына – Сережа. Зачем-то они назвали и свою фамилию – Фирсовы. Наши с Сережей мамы оказались почти ровесницами, обеим около сорока, однако Сережа – на несколько лет старше меня – он перешел в девятый класс, а я только в пятый.

Фирсовы были на редкость симпатичными – Валя невысокого роста, с простым широко-скулым лицом, обрамленным светлыми кудряшками, открытая и застенчивая одновременно. От нее веяло добротой и домашним уютом. Сережа – тоже невысокий, худенький, темноволосый, был по-мужски сдержанным, но в то же время очень доброжелательным.

Наши мамы в первые же минуты, еще поезд тронуться не успел, нашли общий язык – было впечатление, что старые школьные подруги встретились после долгой разлуки и спешат рассказать друг другу все, что произошло с ними за этот период. Атмосфера в купе установилась легкая и светлая. Я по-детски кокетничала с Сережей, он добродушно мне подыгрывал. Всем было хорошо и спокойно.

Так же как и мы, Валя с Сережей ехали в гости к родственникам. Во времена развитого социализма с путевками на море в летний сезон была напряженка, поэтому наши семьи исполь-

зовали популярную в СССР и недорогую схему – зимой мы принимали родственников-провинциалов в Москве, которые приезжали за покупками, а летом менялись ролями и наведывались на отдых к ним.

Сутки в поезде пролетели как один миг. На следующее утро мы расставались с Фирсовыми как с близкими друзьями – с сожалением и искренним взаимным желанием непременно увидеться вновь. У наших родственников телефона не было, а у родственников Вали и Сережи – был, и мама засунула в карман кофты клочок бумаги с заветными цифрами. Решили созвониться сразу, как устроимся, и вместе отправиться на пляж.

Нас встречал мамин двоюродный брат. Такси брать не стали в целях экономии – дядька радостно сообщил, что от вокзала до его дома ходит прямой автобус. Жаль только, забыл добавить, что ходит этот автобус очень редко, а потом еще нужно выдержать сорок минут пути. После получасового ожидания нам удалось втиснуться в тархтящую и пускающую клубы дыма пузатую колымагу.

Мы попали как раз в час пик – народ ехал на работу, и давка была невероятной – казалось, пассажиры ужались и спрессовались до предела, но на каждой остановке к нескольким десяткам потных тел с боями добавлялось еще пять-шесть. Плюс – нещадно палящее через пыльные стекла июльское солнце, раскаляющее воздух внутри автобуса до температуры сауны.

В автобусе то там, то здесь возникала привычная ленивая перебранка – все мешали всем. А тут еще отдыхающие с чемоданами. Местные недовольно косились на нас, как, наверное, москвичи косятся на путающихся под ногами гостей столицы.

Наконец – свобода. Мы вывалились из жаркого чрева автобуса покрасневшиеся, помятые и горящие от нетерпения окунуться как можно скорее в прохладную морскую воду. Однако на пути к исполнению заветного желания стоял ритуал встречи с дядиной семьей, которая ждала нас в двухэтажном частном домике, притулившемся у склона горы в тени абрикосовых деревьев. После приветствий и вручения подарков – чаепитие с неторопливыми разговорами на темы «ну как там у вас в Москве», «а вот у нас в Севастополе» и обсуждением последних новостей.

Я дергала маму за рукав и чуть не плакала – так хотелось скорее на пляж. Мама тоже явно устала и тяготилась необходимостью вести светскую беседу, но из вежливости не решалась первой свернуть общение. Через два часа все насытились – и пищей, и новостями. Хозяевам нужно было возвращаться к повседневным делам, и нас наконец-то предоставили самим себе, объяснив, как удобнее добраться до моря.

Я бегом рванула по лестнице на второй этаж – в отведенную нам маленькую побеленную комнатку, которую нам показали до завтрака. Мама поспешила за мной. Однако когда мы стали торопливо разбирать вещи, бумажки с телефоном Фирсовых как ни искали, нигде не обнаружили. Наверное, мама обронила ее по дороге.

Где же мы теперь отыщем Валу с Сережей? Севастополь – большой город, километры пляжа, тысячи отдыхающих. Как же нам будет одиноко в этой толпе без наших новых друзей! А им без нас. А вдруг наши бывшие попутчики подумают, что мы их обманули и на самом деле совсем не хотим с ними дружить, а телефон взяли из вежливости? Мы обе с трудом сдерживали слезы.

– Как же мы не догадались обменяться еще и адресами! Тогда Валя с Сережей могли бы к нам приехать! Или мы бы к ним поехали! – воскликнула мама.

Мы перерыли все вещи еще раз, но записку с телефоном так и не нашли. Делать было нечего. Мы переоделись, достали купальные принадлежности (при этом выяснилось, что красный надувной матрас, купленный специально для этой поездки, мы забыли в Москве) и уныло потащились на пляж, который оказался совсем не близко – пять остановок на автобусе. Надо же! Когда я мечтала о море, то представляла, что до него будет совсем рядом – дороге перейти – и вот оно. Настроение испортилось окончательно – путешествие, начавшееся так здорово

и многообещающе, вдруг превратилось в череду разочарований, неудобств, непредвиденных задержек и потерь.

От пляжа ничего хорошего я уже не ждала – после такого-то утра – и мои ожидания оправдались. Подойдя к широкой полосе горячего желтого песка, за которым игриво поблескивало море, мы с мамой растерянно остановились – вокруг повсюду лежат, сидят, бегают, прыгают полуголые люди. Ни пятачка свободного. Немногим счастливым удалось урвать облезлые деревянные лежаки – наверное, занимали с рассветом, а теперь боятся от них отойти – купаются по очереди, оставляя на дежурстве кого-то из своих. Большинство расположилось на разнообразных ковриках, полотенцах, да и прямо на песке.

В море та же кишачая масса – разноцветные купальники, мячи, круги, матрасы хаотично перемещаются туда-сюда, баламутя воду. И всё это сопровождается криками-визгами детей и взрослых.

Ой-ой. Вот попали. Но делать нечего, мы с мамой стали опасливо пробираться между распростертых тел, озираясь по сторонам и пытаясь найти незанятый кусочек пляжа, чтобы на нем пусть даже не лечь, а хотя бы разложить вещи. Мама шурится от яркого солнца. Мне проще – я надвинула на глаза бело-розовую панаму, которая отбрасывает тень на лицо и создает ощущение уюта и защищенности от окружающего недружелюбного мира.

Десять шагов, двадцать, пятьдесят... Жарко, по спине бегут капельки пота, в сандалии забивается горячий песок. Я продолжаю идти, оглядываясь по сторонам, и внезапно натякаюсь плечом на что-то мягкое и круглое – оказалось, что это живот пыхтящего дядьки, который бережно несет полную кружку пива к своему коврику. Дядька отчаянно старается не расплескать драгоценную жидкость. Но несколько капель и кусок пены все-таки перекатываются через бортик кружки и как в замедленном кино сползают по стеклу вниз, посверкивая в лучах солнца. Дядька смотрит на меня с немым укором и глубоко вздыхает, в глазах ясно читается мысль – надоела эта мелюзга бестолковая.

– Извините, мужчина, – говорит ему мама с вымученной улыбкой, потом резким голосом бросает мне, – Смотри, куда идешь, а не ворон считай. И пошевеливайся...

Ну вот, началось. У мамы было странное качество – когда у нее что-то не ладилось, или она неважно себя чувствовала, или просто было плохое настроение, она начинала срывать на меня, как будто я – источник всех ее неприятностей. Даже если я вела себя тише воды ниже травы – это не спасало. Мама распалила и накручивала себя все больше и больше. Любые мои слова, попытки оправдаться или утешить маму были не просто бесполезны, они вызвали новый виток недовольства и обидных реплик с ее стороны.

От конкретной проблемы мама быстро переходила на личности, точнее – на мою личность, полную изъянов, как уличная собака – блох. Когда она исчерпывала тему моих сегодняшних недостатков, которые перечисляла подробно и с удовольствием, она начинала вспоминать мои прошлые прегрешения, смакуя подробности и добавляя новые, еще более ужасающие. Когда и эта тема исчерпывались, мама переходила к моим будущим безобразным проступкам. Меня такие разборы полетов очень обижали, особенно в отношении будущего – ну почему она решила, что я обязательно совершу все те нехорошие вещи, в которых она меня заранее обвиняет. И вообще, почему я должна испытывать вину за то, чего еще не сделала, не говоря о том, что в уже совершенных грехах половины описанного мамой не было, как не было тех мыслей и желаний, которые она мне уверенно приписывала и за них отчитывала!

Мама всегда красной нитью проводила мысль, что у нее тяжелая многотрудная жизнь, полная лишений и жертв во благо семьи, а близкие, особенно родная дочь, не говоря уж о муже, нечуткие и неблагодарные бездельники, не способные оценить принесенные жертвы, проявить хоть капельку внимания, заботы и ударить палец о палец, чтобы хоть чем-то ей помочь. Этот «палец о палец» был особенно мил маме, и она вспоминала о нем при каждой выволочке. Она обожала крылатые выражения и частенько в периоды злобствования заявляла, что мне все «как

об стенку горох», «хоть кол на голове теши», и вообще «что в лоб, что по лбу», потому что «а Васька слушает да ест».

Приступы недовольства случались у мамы регулярно пару раз в месяц, и на основании предыдущего опыта я знала – единственное, что мне остается в данной ситуации – это молча терпеть, пока мама не отойдет, слив на меня весь накопившийся негатив. А отойдет она, скорее всего, не раньше чем через три-четыре часа, если, конечно, ее не расстроит что-нибудь еще – тогда пиши пропало. Бывало, что подобное состояние затягивалось у мамы на несколько дней и после острой фазы, когда мама непрерывно костерила меня, сменялось фазой молчаливого укора – мама со мной переставала разговаривать, игнорировала меня, всем своим видом демонстрируя глубокое разочарование в жизни вообще и во мне в частности.

Поначалу мама пробовала сыграть в подобную игру с папой – но не получилось. Папа обычно ехидно говорил что-то вроде «так-так, я опять в чем-то провинился, узнать бы еще, в чем именно» или «конечно, тебе памятник поставят за твои подвиги» и удалялся в свою комнату. Мама преследовала его и там, продолжая отчитывать, но потом папа поставил задвижку на дверь изнутри и как только видел, что тучи сгущаются, наливал кипяток в термос, запасался бутербродами и резво ретировался к себе, только задвижка шелкала. Или, если был подходящий сезон и хорошая погода, собирал сумку, хватал велосипед и отправлялся на весь день в ближайший лесопарк. Мне же деваться было некуда – в нашей трехкомнатной квартире отдельная комната была и у меня, но она не запиралась, мама настигала меня там и устраивала словесную головомойку.

Тем более, никуда не скрыться сейчас, на людном пляже Севастополя. Я опасно скашиваю глаза на маму – ну точно, лицо напряженное, губы поджаты. Вот-вот начнется занудное бурчание. В желудке возникает сосущая пустота. Ну почему мне только десять лет и я не могу повернуться к маме, гордо расправив плечи, вытянуть руки в ее сторону и несколько раз стукнуть указательными пальцами друг о друга перед ее лицом! На тебе, хочешь, чтобы я палец о палец ударила – вот, смотри, пожалуйста, как у меня хорошо это получается. Теперь ты довольна? А потом повернуться и уйти от нее навсегда – раз я такая нехорошая и отравляю ей жизнь, пусть живет без меня.

Слезы наворачиваются у меня на глазах, ведь на самом деле уйти мне некуда и даже устроить акт неповиновения я не могу, тогда мама заведется еще больше и будет прессовать меня с утроенной энергией и гораздо дольше. А потом еще и вспоминать много лет подряд страшную обиду, которую я ей нанесла, хотя это уже погоды не сделает, учитывая наличие нескольких десятков других страшных обид.

Вдруг чья-то рука, мелькнув у меня перед глазами, ловко надвигает бело-розовую панаму мне на нос. Что за глупые шутки!

– Ой, это вы! – с удивлением слышу радостный мамин голос.

Кто это еще? И почему мама радуется? Я сдергиваю панаму и вижу перед собой Валю с Сережей. Они уже искупались в море, тела усыпаны переливающимися на солнце капельками воды, влажные ноги облеплены песком. Оба широко улыбаются.

– Как хорошо, что вы нас нашли! – с восторгом восклицает мама.

– Это Сережа вас увидел! – довольно поясняет Валя, – Мы ждали-ждали когда вы позвоните, а потом сообразили, что дали вам не тот телефон, старый. Наша родня ведь недавно переехала. Мы – бегом сюда. Вещи положили и давай пляж прочесывать. А то еще подумаете, что мы вам специально номер наврали, обидитесь.

Мы с мамой переглядываемся, глазами договорившись хранить тайну о потерянной бумажке. Мамина хандра исчезает, словно ее и не было, мне тоже становится легко и весело. Как будто ушли тучи, засияло солнце, а мир стал дружелюбнее и добрее. Жизнь налаживается.

– Пойдемте, мы для вас местечко заняли, – зовет нас Валя за собой. Пока мы идем к их вещам, я думаю о том, что эта мягкая и добрая, излучающая тепло женщина наверняка никогда

не обвиняет своего сына в несуществующих грехах, не говорит ему про «об стенку горох» и «палец о палец», не устраивает бойкотов. Мне тоже хочется такую маму.

С тех пор мы встречались каждый день – днем ходили на море, вечером гуляли по городу. Мамы шебетали, не переставая, Сережа галантно меня развлекал, не подавая вида, что с малявкой ему скучно. Он был единственным мужчиной в нашей компании и по-мужски опекал всех троих, заботился – одной воды купить, другой – мороженого, третьей сумку понести. Занимал для нас самый удобный столик в уличных кафе, на базаре находил самые красивые и недорогие фрукты. В нем удивительно сочетались мягкость и мужественность.

Валя бесконечно гордилась сыном. Она сама из простой семьи, рано начала работать, одновременно училась в техникуме. Без высшего образования был и ее муж Виталий, который, как и мой отец, остался в Москве. Зато Сережа учился в языковой спецшколе, был почти отличником. Особенно хорошо давался ему немецкий язык, Сережу даже послали прошлым летом в ГДР по школьному обмену – на всю школу таких было пять человек. Валя не сомневалась, что сын пойдет дальше своих родителей, через два года поступит в институт, потом найдёт престижную работу. Для этого у Сережи имелись все данные. И будет, например, работать во внешнеторговой организации. Или в МИДе. А потом и к ООН подберется. Станет ездить за границу, как другие ездят к себе на дачу, привозить красивые импортные вещи, рассказывать про заморские города и страны. Чего еще можно пожелать любимому ребенку? И себе, чтобы чувствовать, что жизнь прожита не зря...

В поездку Сережа взял с собой «Три товарища» Ремарка в оригинале, читал каждый день без словаря, быстро продвигаясь по книге, чем вызывал у нас троих благоговейный восторг. Мама неоднократно ставила его мне в пример, говорила, что неплохо бы и мне проявить подобную целеустремленность. А то с моим наплевательским отношением к учебе я ни то, что в хороший, а ни в какой институт не поступлю. Это было обидно – я считалась твердой хорошисткой и на учебу плевать не собиралась. Но про себя решила – к Сережиному возрасту я тоже буду читать в оригинале Ремарка, чтобы доказать маме, что я не хуже его.

К концу отдыха наши семьи окончательно сдружились и, хотя уезжали разными поездами с разницей в два дня, были полны решимости продолжить общение в Москве и вовлечь в него моего отца и Виталия. Мама, правда, однажды обмолвилась, что частенько случается, когда курортная дружба сходит на нет по возвращении к обычной жизни и она не удивится, если такое произойдет и с нами.

Не прошло и недели после нашего возвращения, как новые друзья пригласили нас в гости. Я замерла в тревожном ожидании, памятуя мамины слова. Какими нам покажутся Валя с Сережей в серой московской действительности, какими – мы им, найдут ли контакт наши с Сережей отцы? Особенно не хотелось разочароваться в Сереже.

Мой отец отнесся к инициативе скептически – что еще за новые приятели, зачем к ним тащиться, когда можно посидеть дома и посмотреть телевизор или книжку почитать, о чем с ними говорить – у них даже нет высшего образования. Но в назначенный день покорно собрался и мы, купив торт, отправились втроем в Чертаново.

Семья Фирсовых жила в трехкомнатной квартире панельной девятиэтажки. Радостные улыбки встретивших нас Вали с Сережей не могли скрыть беспокойства, аналогичного нашему. Не принесет ли встреча разочарования? Не волновался только глава семьи Виталий – невысокий темноволосый мужчина, излучавший дружелюбное спокойствие. В нем было что-то восточное – плавные неторопливые движения, сочетание мягкости и уверенности. Валя ласково называла мужа – Виталья. Сережа внешностью и повадками явно пошел в отца, взяв от матери открытость и доверчивость.

Неловкость исчезла очень быстро – как только нас пригласили за стол, и началась неторопливая беседа. Мы с радостным удивлением открывали в наших друзьях всё новые и новые достоинства.

Оказалось, что у Витали потрясающее чувство юмора – очень умное, тонкое, деликатное, создающее в компании неповторимую атмосферу легкости и комфорта.

А Валя – не просто хорошая хозяйка – талантливый кулинар. Стол ломился от разносолов ее приготовления – тут и маринованные огурчики с помидорчиками, и мясные рулетики, и соленая рыбка, и разнообразные салатки от простых до экзотических. А пирожки! Что за пирожки умела печь Валя! Мягчайшее воздушное тесто прятало в себе начинку нескольких видов – мясную, грибную, овощную, ягодную. Мы накинулись на пирожки с неистовством приехавших с голодного края людей.

Атмосфера за столом теплела с каждой минутой. Хозяева явно были довольны произведенным впечатлением, мы с мамой радовались, что никакого разочарования не произошло, скорей даже наоборот, а отец больше не жалел, что его вытащили в гости, накладывая себе все новые порции угощений, дома его такими разносолами не баловали никогда.

Когда наступила пауза между закусками и горячим, мы поднялись из-за стола и прогулялись по жилищу Фирсовых. Виталья с гордостью показал нам многочисленные столярные изделия, сделанные своими руками. Тут табуретка, там полочка, а вон – журнальный столик. Всё – сам. Мы искренне его похвалили – вещи аккуратные, изящные. Они придавали квартире особый уют и индивидуальность на фоне стандартной мебели советского периода.

Чуть позже оказалось, что и Валя была рукодельницей – когда мы стали восхищаться необычной драпировкой темно-зеленых гардин в спальне, Виталья важно ответил – жена шила. И вот это шелковое покрывало в розах – тоже. И в других комнатах занавески – ее работа.

Оказалось, что и ремонт раз в несколько лет супруги полностью делают сами – делов-то, да разве ж это трудно, – а Виталья легко управляется и с электрикой, и с сантехникой.

Вся квартира дышала теплом, чистотой и уютом. Несмотря на пасмурный день, она казалась залитой солнцем, такое же солнечное впечатление производили и сами хозяева.

Сережа, как и в Севастополе, был дружелюбным и внимательным, развлекал меня, показывал какие-то книжки, игры. Но самое главное – у Фирсовых была живность – два волнистых попугайчика. Мальчик и девочка. Большая клетка стояла в Серезиной комнате у окна.

Попугаев не держали взаперти – дверца клетки была распахнута, и они могли выбираться на свободу, когда захочется. Дверь в комнату, правда, держали прикрытой, чтобы попугаи не летали по всей квартире. Птички облюбовали левый край карниза, на котором неподвижно сидели рядышком, с высоты настороженно глядя черными глазами-бусинками на гостей. Поняли, что пришли чужие. Я в восторге застыла у занавески, задрала голову. Сережа молча стоял рядом и улыбался.

На полу под попугаями было несколько беловатых плевочков – они что, и какают прямо тут? – удивилась я. Конечно, они же не кошки, чтобы в лоток ходить, засмеялся Сережа.

В комнату вошли наши мамы, и один из попугаев тут же перелетел к Вале на плечо.

– Ты моя девочка, ты моя хорошая, – заворковала Валя и повернула к птичке голову. Попугаиха, осторожно переступая по плечу цепкими лапками, перебралась к Валиному рту и начала мелко-мелко поклевывать ее в край губы.

– Хорошая Бася, хорошая, любит целоваться, – с нежностью приговаривала Валя. Потом она вытянула губы трубочкой и причмокнула, словно отвечая поцелуем желто-голубому комочку. Бася принялась ласкаться к хозяйке с удвоенной энергией. Тут с карниза на плечо к Вале спикировал второй попугай – Кеша и, захлопав крыльями, налетел на подружку, злобно клюнул в спину. Та не удержалась и, обиженно пискнув, соскочила с хозяйки, сделала широкий круг и вернулась на карниз.

– Ревнует, – засмеялась Валя. – Ах ты хулиган, Басю обижаешь. Не буду с тобой за это целоваться. Иди отсюда. – И она, дернув плечом, согнала Кешу. Тому ничего не оставалось, как снова примоститься на карнизе. Только он сел не рядом с Басей, как раньше, а на некотором расстоянии, нахохлился, втянул голову и стал что-то тихо бубнить себе под нос. Ругался, наверное.

Ну ничего себе – такие козявки, а сколько чувств, сколько эмоций. Я была в радостном удивлении. До этого мне казалось, что волнистый попугай – это просто красивая живая игрушка, не способная на общение. Мне отчаянно захотелось таких же попугайчиков. «Нет, от них мусора много», – обрубил мои просьбы мама, когда я заикнулась на этот счет по дороге домой. – «Ты поиграешься, а мне лишние хлопоты, тебе же на грязь наплевать, ты же только о себе думаешь.»

Ничего, зато у меня теперь были настоящие попугайчиьи перышки. Птички периодически линяли, и Сережа собирал самые красивые перья – их у него была целая коллекция. Он щедро поделился ими со мной, отобрал самые длинненькие и красивые. Это было настоящее богатство – перышки переливались всеми цветами радуги – от бледно-желтого до иссиня-черного. Казалось, что они принадлежали не обычным волнистым попугайчикам, а сказочным птичкам.

Я бережно сложила перышки в маленькую картонную коробочку и частенько доставала полюбоваться. Мне хотелось сделать с ними какую-нибудь поделку – аппликацию или игрушку. Чтобы получилось нечто необыкновенное, от чего глаз не оторвать. Отчаянно боясь потратить перышки зря, испортить их, я так и не придумала, какое изделие они должны украсить. Долго в моей тумбочке стояла эта коробочка. Со временем я стала вспоминать о ней все реже и реже, а потом совсем забросила.

Однажды, уже став взрослой, я разбирала свои вещи, избавляясь от ненужных, и неожиданно наткнулась на забытую драгоценность. Сердце забилось быстрее, я почувствовала волнение от нахлынувших ощущений детства. Помедлила немного, поглаживая потертую желтоватую коробочку – странно, раньше она не выглядела такой убогой – потом осторожно открыла. И с недоумением увидела внутри кучку маленьких перышек – растрепанных и тусклых. И зачем я столько лет хранила этот мусор? Сказка ушла, а может ее и не было на самом деле. И я без сожаления опустила коробочку в пакет с мусором.

Между нашими семьями завязалась тесная дружба. Моя мама частенько подолгу болтала по телефону с Валею, примерно раз в месяц мы с Фирсовыми обменивались визитами. Оказалось, что Фирсовы жили довольно закрыто, у них не было друзей, кроме нас. Сначала мы недоумевали – такие милые люди, дружелюбные и общительные, с ними так легко и приятно, почему живут затворниками? Но потом, когда узнали их получше, поняли – это следствие их скромности, стеснительности. А еще того, что Фирсовы не смогли бы поддержать компанию, в которой любят выпить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.